

Ни Фу Чжэнтянь, ни Нин Сянлан толком ничего не смыслили в наблюдении за птицами. Проводник всю дорогу направлял их и вполголоса рассказывал о повадках местных обитателей. Мальчишки повесили на шею выданные бинокли и принялись усердно всматриваться в листву.

Конец весны и начало лета — пора птичьих свадеб. Яркие самцы щеголяли пестрым оперением, стараясь привлечь внимание самок. Проводник, немного порывкав глазами по ветвям, указал куда-то вверх:

— Вам повезло. Вон там пара рыжеспинных сорокопутов вьет гнездо. Посмотрите, как они это делают.

Нин Сянлан вежливо поблагодарил его и прильнул к окулярам. Брачные игры, обустройство гнезд, высиживание кладок, кормление прожорливых птенцов — внимательно наблюдая, они с Чжэнтянем успели рассмотреть всё.

Чжэнтянь то и дело щелкал затвором собственного фотоаппарата. Он заранее решил подстраховать Фу Мяня: этот оболтус наверняка увлечется прогулкой и напрочь забудет о снимках.

Сянлану тоже захотелось поснимать. Он выпросил камеру и начал увлеченно ловить кадры. Чжэнтянь сначала думал, что малыш просто балуется, но, заглянув в видоискатель и прикинув композицию, молча перевесил ремешок на шею друга:

— Дальше снимаешь ты.

Сянлан и не думал скромничать — охотно согласился. В конце концов, в прошлой жизни он столько лет провел под прицелом объективов, что старенькая пленочная камера не могла поставить его в тупик.

Делая частые остановки, троика незаметно добралась до вершины. Мальчишки подбежали к смотровой площадке и оперлись о перила. Яркое майское солнце щедро изливало тепло, словно ушат золотой краски, выплеснутый прямо на плечи. Горный ветер шаловливо трепал воротники рубашек, принося смолистый аромат далеких сосновых лесов.

На этой высоте даже воздух казался невероятно чистым и сладким. Мальчишки взмылились, пока взбирались по склону, но усталость была приятной, легкой.

Сянлан сквозь линзы бинокля провожал взглядом косяк перелетных птиц в вышине.

— Жаль, что брат Мянь поленился подняться сюда, — с улыбкой заметил он.

Чжэнтянь молча созерцал расстилающийся внизу величественный пейзаж. Лишь спустя пару минут он негромко заговорил:

— Мой отец очень любит Хуцзявань. Ему вообще нравится путешествовать, но здоровье не позволяет. Подняться вот так на вершину — для него несбыточная мечта. — Чжэнтянь повернулся к другу. — Я никогда не разочаровывал его ни в учебе, ни в чем-то еще. Но есть одна вещь, о которой он непрестанно печется.

Он умолк.

— О чем же? — не удержался Сянлан.

— Он очень хочет, чтобы у меня появились настоящие друзья, — тихо произнес Чжэнтянь.

Сянлан растерялся.

— Такие, с которыми я мог бы разделить этот путь и вместе подняться на вершину.

Сянлан все понял. Посмотрев старшему мальчику прямо в глаза, он твердо произнес:

— Мы и есть друзья.

Глядя на эту серьезную детскую рожицу, Чжэнтянь не выдержал и тепло усмехнулся. Он бесцеремонно ущипнул Сянлана за пухлую щеку:

— Ты еще совсем карапуз.

Сянлан лишился дара речи. Так он, выходит, зря расчувствовался?

Заметив, как насупился малыш, Чжэнтянь неторопливо добавил:

— Но я могу подождать, пока ты вырастешь.

Сянлан понял, что над ним просто подшучивают. Стиснув зубы, он проворчал:

— Не дождешься! Ты все равно всегда будешь старше меня на целых четыре года!

— На три с половиной! — оскорбился Чжэнтянь.

Наблюдавший за ними проводник только теперь вспомнил, что ведет наверх детей. Им и положено вести себя так — беззаботно препираться по пустякам.

Он вскинул висевший у него на плече фотоаппарат и нажал на спуск. Тихий щелчок затвора навсегда сохранил этот миг на пленке.

На получившемся снимке за спинами мальчишек вставало ослепительное солнце, заливая склоны золотом, словно знаменуя собой начало долгого, жаркого лета.

Когда ребята начали спуск к озеру Вэйжань, мужчина лет тридцати семи, сидевший неподалеку, опустил бинокль. Повернувшись к стоявшему рядом крепышу, он спросил:

— Тот мальчик показался мне знакомым. Наследник семьи Фу, верно?

Богатырь почтительно кивнул:

— Да, господин Фу в последнее время зачастил в наши края.

Мужчина тонко улыбнулся:

— Думаешь, ему здесь действительно так понравилось?

Собеседник замялся и лишь неопределенно покачал головой — откуда ему знать помыслы столичных господ.

— Столько лет не видел Лин Шуан... — со вздохом произнес мужчина. — Пожалуй, пора навестить ее. Спусти меня вниз.

Здоровяк молча присел, позволяя мужчине перебраться к нему на спину, и уверенной походкой направился по тропе.

На середине склона крепыш вдруг замедлил шаг. Помолчав, он негромко спросил:

— Если наступит день, когда я больше не смогу носить тебя... — Он хотел спросить: «Ты прогонишь меня?», но так и не решился озвучить свой страх. Лишь смахнул капли пота со лба и упрямо зашагал быстрее.

Мужчина за его спиной, казалось, даже не понял скрытого смысла вопроса. Он безмятежно дремал, прикрыв глаза. И лишь когда впереди показалось подножие горы, негромко, с мягкой полуулыбкой ответил:

— Что ж, тогда я больше никогда не поднимусь в горы.

У здоровяка затрепетало в груди. По телу разлилось странное тепло, на душе стало так легко и радостно, что захотелось петь. Не понимая природы этого чувства, он лишь шире зашагал вперед:

— Я отвезу тебя в Хуцзявань на коляске.

Тем временем Сянлан и Чжэнтянь успели обойти остров посреди озера Вэйжань. На обратном пути у переправы они нос к носу столкнулись с группой Фу Мяня.

Завидев их, тот замахал руками:

— Сянлан! Мы здесь!

Чжэнтянь неспешно подошел следом за другом и деловито поинтересовался:

— Снимки для отчета готовы?

— Обижаешь! — гордо выпятил грудь кузен. — Нашцелкали кучу кадров — и общих, и портретных.

— А птицы где? — прищурился Чжэнтянь.

Фу Мянь и его свита разом онемели. Они мучительно задумались.

Кажется, про главную цель поездки — наблюдение за пернатыми — все благополучно забыли...

Чжэнтянь со вздохом снял с шеи камеру и протянул двоюродному брату:

— Держи. Проявишь пленку, напечатаешь карточки. Нам с Сянланом сделаешь по комплекту.

— Вы поснимали птиц?! — просиял тот. — Спасители!

— В качестве платы за труды расходы на проявку наших кадров берешь на себя, — безжалостно отчеканил Чжэнтянь.

Мянь схватился за сердце, мысленно оплакивая свой стремительно худеющий кошелек.

Отправив школьную делегацию обратно в город, Чжэнтянь и Сянлан неторопливой походкой направились в Хуцзявань.

Однако стоило им переступить порог дома Ху Дэлая, как они замерли от неожиданности.

Посреди гостиной в инвалидном кресле сидел незнакомый мужчина. Лин Шуан, обняв его за плечи, горько плакала.

Чжэнтянь ошеломленно застыл. Он впервые в жизни видел свою сдержанную мать в таком состоянии.

Заметив сына, Фу Линь поманил его рукой.

Когда Чжэнтянь приблизился, отец негромко произнес:

— Это твой дядя. Поздоровайся.

Мужчина в кресле ласково погладил плачущую сестру по спине и посмотрел на мальчика.

— Здравствуйте, дядя, — вежливо поклонился Чжэнтянь.

В голове Сянлана мгновенно вспыхнула догадка. Он вспомнил это имя.

Цзи Пинхань! Человек, которого в будущем пресса назовет «чудом в инвалидной коляске». Несмотря на паралич ног, этот гений сумеет подмять под себя крупнейшие торговые интернет-площадки страны. Поистине легендарная личность!

Семья Цзи когда-то гремела на всю страну, но с каждым поколением слабела и хирела. Мать Цзи Пинханя по глупости влюбилась в писаного красавца и повесу, выйдя за него замуж с огромным приданым. Разумеется, сказки о том, как бабники исправляются ради семьи, остались лишь сказками. Брак быстро дал трещину. В конце концов несчастная женщина окончательно разуверилась в муже и молила лишь об одном — чтобы его многочисленные любовницы не являлись к ней на порог с незаконнорожденными детьми.

Но именно это и случилось. Любовная пелена окончательно спала с ее глаз. Как раз в те годы в стране начали появляться первые прецеденты разводов. Поразмыслив полгода, мать Цзи Пинханя смело примкнула к числу «первопроходцев» и подала на развод. Старый глава семейства Цзи, будучи непроходимым ретроградом, пришел в ярость. Чтобы досадить строптивой невестке, он тут же устроил пышную свадьбу для своего сына и его давней любовницы, официально признав всех нагулянных ею детей.

Этот скандал долго гремел в высшем обществе. Годы спустя, когда имя Цзи Пинханя

разлетелось по всей стране, ушлые репортеры вновь раскопали грязное белье его семьи. Вот почему Сянлан так хорошо помнил эту историю.

Кто бы мог подумать, что столь великий человек сейчас сидит перед ним в тихом Хуцзяване!

Мальчик невольно залюбовался гостем. Да, за этой невозмутимой маской скрывалась целая драма.

Между тем Цзи Пинхань мягко похлопал сестру по руке:

— Ну полно, не плачь. Взрослая ведь женщина, а сырость развела при детях.

Лин Шуан поспешно вытерла слезы и принялась расспрашивать брата, где он пропадал все эти годы.

До замужества она вместе с матерью жила за границей. Едва до нее долетели слухи о несчастье, случившемся с братом, она тут же бросилась в Китай, но опоздала — Пинхань бесследно исчез.

Тогда судьба и свела ее с Фу Линем. С его помощью ей удалось выяснить, что брат попал в автокатастрофу, но выжил. Очнувшись на больничной койке, он через адвокатов хладнокровно затребовал свою долю наследства — включая все материнское приданое до последнего цента и набежавшие за годы проценты.

Семейство Цзи держалось на плаву исключительно за счет этих средств. Стоило Пинханю забрать деньги, как их дутая империя мгновенно рухнула и пошла с молотка.

Лин Шуан чувствовала глубокое удовлетворение, но ее не покидала тревога за брата, который скрылся в неизвестном направлении. Чтобы продолжить поиски, она решила остаться в Китае.

Она и представить не могла, что поиски затянутся на долгие годы, а ее верный помощник Фу Линь со временем станет ее мужем.

Цзи Пинхань ласково коснулся волос сестры и улыбнулся:

— Прошное быльем поросло, не стоит ворошить. Я приехал, чтобы погостить у вас. Надеюсь, зять не станет возражать?

— Как ты можешь такое говорить! — горячо воскликнула Лин Шуан.

Цзи Пинхань посмотрел на Фу Линя. Тот ответил ему спокойной, доброжелательной улыбкой.

Это озадачило гостя.

Зятя издавна за глаза величали доходягой — казалось, он вот-вот испустит дух. И этот его внезапный приезд на северо-запад, постоянные визиты в Хуцзявань... Цзи Пинхань, живя неподалеку от Зоны наблюдения за птицами, не раз слышал, как старого лекаря Ху спешно вызывали к Фу Линю для неотложной помощи. Это не на шутку тревожило его.

А уж когда сегодня он подслушал на вершине горы слова племянника: «Подняться на вершину — для моего отца несбыточная мечта», ему стало невыносимо грустно.

Неужели Фу Линь действительно стоит на пороге смерти?

Пусть все эти годы он сознательно избегал встреч, это не значило, что ему плевать на единственную сестру. Если Фу Линь чувствует скорую кончину и хочет доверить ему заботу о жене и сыне, прятаться дальше глупо.

Цзи Пинхань терпеть не мог недомолвок, поэтому, приняв решение, сразу же приехал.

«Что ж, поживу у них и сам все увижу», — подумал он.

Даже если его предчувствия ложны... Увидев слезы радости на лице сестры, он уже не мог просто так развернуться и уехать.

Пинхань повернулся к Нин Аньго:

— Господин Нин, меня зовут Цзи Пинхань, я дядя Чжэнтяня. Прошу простить за внезапное вторжение в ваш дом. В знак признательности я приготовил для вас небольшой подарок. Будет время — взгляните на досуге.

Нин Аньго вежливо замахал руками:

— Ну что вы, господин Цзи, совершенно ни к чему!

Цзи Пинхань жестом приказал телохранителю передать хозяину дома увесистый конверт из плотной крафтовой бумаги.

— Пожалуйста, примите, — серьезно добавил гость, внимательно глядя на него. — Поверьте, эти бумаги имеют ценность только для вас.

Нин Аньго растерялся.

Сянлан почувствовал, как его охватило сильное волнение. Интуиция подсказывала мальчику: содержимое этого конверта способно перевернуть их жизнь.

<http://bllate.org/book/20435/2189251>